

Легенды преступного мира

Валерий
КАРЫШЕВ

СОВРЕМЕННЫЕ
ТЮРЬМЫ

от авторитета
до олигарха

В последнее время пословица
"от тюремы и сумы не зарекайся"
стала особенно актуальной.
Сегодня за решеткой может
оказаться любой: и бандит,
и олигарх, и простой человек.

ЭКСМО

Валерий Карышев

**Современные тюрьмы. От
авторитета до олигарха**

«Карышев Валерий Михайлович»

2004

Карышев В. М.

Современные тюрьмы. От авторитета до олигарха /
В. М. Карышев — «Карышев Валерий Михайлович», 2004

ISBN 5-699-04948-7

В последнее время пословица "от тюрьмы и сумы не зарекайся" стала особенно актуальной. Сегодня за решеткой может оказаться любой: и бандит, и олигарх, и простой человек. Автор этой книги знает о тюрьмах не понаслышке, ведь обычное расписание адвоката: утром – Бутырка, днем – Матроска, вечером – Лефортово. В своей книге В.Карышев приоткрывает завесу над заговорами и тайнами, обычаями и нравами, жизнью и смертью в российских тюрьмах.

ISBN 5-699-04948-7

© Карышев В. М., 2004

© Карышев Валерий
Михайлович, 2004

Содержание

«Банкет в Бутырке»	5
Новичок	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валерий Карышев

Современные тюрьмы: от авторитета до олигарха

Сегодня у нас в следственных изоляторах, тюрьмах и колониях находится один миллион тридцать пять тысяч человек. Мы наконец заняли первое место в мире по числу лиц, содержащихся в этих учреждениях.

(Из доклада по амнистии в Госдуме)

«Банкет в Бутырке»

Из оперативной информации

Источник сообщает, что 20 мая в 23.00 группа преступных авторитетов соберется у здания сизо № 2 ГУВД г. Москвы и попытается незаконно проникнуть в тюрьму. Цель визита – навестить некоторых подследственных и передать им продукты, спиртные напитки и наркотики. Возглавит группу авторитет по кличке Сибиряк, который имеет предварительную договоренность с администрацией сизо № 2. Предполагаемое количество участников встречи – 30–40 человек.

ХРОНИКА ОПЕРАЦИИ «БАНКЕТ», РАЗРАБОТАННОЙ И ОСУЩЕСТВЛЕННОЙ СОВМЕСТНЫМИ СИЛАМИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ, ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ КОНТРАЗВЕДКИ И СЛЕДСТВЕННЫМ КОМИТЕТОМ МВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

16.04.94

В РУОП поступила информация о готовящемся проникновении в сизо № 48/2 ГУВД г. Москвы большой группы криминальных авторитетов.

18.04.94

После проверки информации через агентурные источники, а также посредством технических средств руководство РУОПа поставило в известность о планирующейся акции СК МВД и ФСК.

Вопрос поставлен на контроль директора ФСК и министра внутренних дел.

Московский городской суд санкционировал прослушивание телефонных переговоров организатора сходки гр. С. Липчанского и его близкого окружения.

21.04.94

Совместными силами РУОПа, ФСК и СК МВД создан оперативный штаб, расположенный в приемной начальника следственного управления г. Москвы (окна кабинета выходят на Бутырскую тюрьму. – Авт.). Начата разработка операции под кодовым названием «Банкет». После детальной проработки нескольких вариантов проведения операции решено остановиться на силовом решении.

29.04.94

Окончательно выработана тактика операции. Открытая атака сизо № 2 силами спецназа исключена, так как она спровоцирует ответную стрельбу охраны, расположенной на вышках и в

карауле. Охрана имеет предписание открывать огонь на поражение при любой попытке несанкционированного проникновения на территорию режимного объекта. Исключаются и предварительные переговоры с администрацией следственного изолятора – это обрекает операцию на провал.

Принятый комплекс оперативных действий: сведение к минимуму лиц, знающих о предстоящей операции, категорический запрет на любой контакт с администрацией сизо № 2 для лиц, информированных о предстоящей операции, активизация агентуры силовых ведомств в криминальной среде, скрытый контроль за администрацией сизо № 2 с привлечением технических средств и службы наружного наблюдения, скрытый контроль за лидерами криминальных структур, указанных в агентурном сообщении в качестве участников предстоящего несанкционированного проникновения на территорию сизо № 2, привлечение для участия в силовой акции оперативно-боевого подразделения «А» и сил Специального отряда быстрого реагирования, определение спецсредств для оперативно-боевых подразделений: световые и шумовые раздражители, нервно-паралитический газ, электрошокеры, детальный анализ режима охраны, а также архитектурных особенностей следственного изолятора и прилегающих строений по ул. Новослободской и Лесной, возможное задействование плана «Перехват» на случай попытки участников несанкционированного проникновения скрыться.

20.05.94

С 13.00 за корпусами сизо № 2 установлено наружное наблюдение. Проводится прослушивание служебных кабинетов администрации. Ничего подозрительного не зафиксировано.

К 20.00 ударные группы, составленные из бойцов «Альфы», рассредоточены вокруг следственного изолятора.

В 22.40 у главного входа в сизо № 2 зафиксировано появление подозрительных лиц.

В 22.45 у главного входа в сизо появились автомобили: «Линкольн», «Мерседес», джип «Чероки», «Мазда», «Форд», «БМВ», «Ниссан». Служба радиоперехвата подтверждает намерение преступных авторитетов несанкционированно проникнуть на территорию режимного объекта.

Москва. 1994 г., 20 мая, реконструкция событий со слов одного из участников

Мы подъехали примерно в 22 часа 40 минут к главному входу следственного изолятора. Наша «БМВ» цвета мокрого асфальта, въехав на небольшой скорости под арку со стороны Новослободской улицы, очутилась в небольшом дворике, примыкающем к следственному изолятору. Притормозив, она остановилась около стены, оставив свободное место для других машин, которые, возможно, могли вскоре появиться.

В «БМВ» сидели трое: Алексей и совсем молодой паренек Володька, который был за рулем. Костя, сидевший на переднем сиденье, повернувшись к Алексею, сказал:

– Вот мы и приехали. Пойди посмотри, как там дела.

Алексей нехотя вышел из машины, достал из пачки сигарету. Закурив, осмотрелся по сторонам. Дворик, примыкающий к следственному изолятору, был размером не более сорока квадратных метров. Ступеньки, ведущие наверх, упирались в стену с массивной железной дверью, которая вела непосредственно в тюремный дворик и была закрыта. С правой стороны – обычный жилой дом, с обычным двором, огороженным железным заборчиком, и детской площадкой. Посередине двора, на лавочке, сидели два мужика, рядом с ними стояло несколько пивных бутылок. Мужики оживленно разговаривали.

Алексей решил выяснить, что это за люди. Он вынул из рта сигарету, переложил зажигалку из кармана пиджака в брючный и не спеша пошел в направлении сидящих. Те насторожились. Один из них, лет тридцати пяти, обращаясь к Алексею, сразу же сказал:

– Все нормально, начальник, заканчиваем, уходим... Все!

Алексей сказал:

– Спокойно, мужики, я просто хочу стрельнуть огонька у вас. Не будет огонька?

– Как не будет! – оживился второй. И полез в карман за спичками.

Алексей старался внимательнее всмотреться в лица мужиков. Обычные русские лица...

«Наверное, где-то погуляли, – подумал он, – а может, ждут кого-то...» Закурив, он постоял еще несколько секунд и спросил:

– А что, мужики, ждете, что ли, кого?

– Ну, – ответил один, – к Верке хотим в гости зайти. Что-то, сучка, загуляла!

– Понятно. Давайте, отдохните дальше, – сказал Алексей и направился к машине.

Подойдя к «БМВ», он сказал сидящему внутри Константину:

– Все нормально, мужики гуляют, бабу ждут.

– Садись пока в машину, скоро остальные будут, – произнес Константин.

Алексей сел в салон. Он знал, что сейчас им предстоит войти в следственный изолятор, чтобы навестить какого-то известного вора и братву. О предстоящем визите Константин сказал ему буквально накануне. Алексей также знал, что должны быть еще какие-то люди, в том числе несколько человек из их бригады: Эдик, Леня, Володька, а также жена одного коллеги, который три месяца находился под следствием. Главным же организатором этого «похода» был Серега по кличке Сибиряк. Его приезда ожидали с минуты на минуту.

Алексей сидел спокойно, время от времени поглядывая на часы. Вскоре в арке показались огни машины, и во двор въехал черный «Мерседес».

Он медленно притормозил возле «БМВ», двери открылись, и оттуда вышел детина в белой рубашке, в светлом пиджаке, с массивной золотой цепочкой на бычьей шее. Это был Сибиряк.

Сибиряк, он же Сергей Липчанский, был очень крупный парень лет тридцати – тридцати пяти, двухметрового роста, упитанный – килограммов под сто, с бычьей шеей и мощной головой.

По телосложению он здорово смахивал на борца-тяжеловеса. Он был спокоен и невозмутим. Все его поведение говорило о полной уверенности в себе.

Ходили слухи, что Сибиряк приехал в Москву и постепенно начинает завоевывать авторитет. Сибиряк бредил воровской идеей, но он еще не был вором в законе. Он поддерживал теснейшие отношения со многими законниками.

Все обнялись и тепло поздоровались. Сибиряк сказал, что не так давно он вышел из Бутырки, и рассказал, как он там сидел. По его словам, он сразу законтачил со многими конвоирями и сотрудниками следственного изолятора, подкармливая их. И Бутырка стала для Сибиряка домом родным. Он мог свободно передвигаться по ней, получал любые передачи с воли, выпивку, хотя употреблял ее более чем умеренно. В общем, жизнь у него там была «в кайф», как говорил он. И сейчас за лавэ он договорился, что в Бутырку можно прийти нескольким людям и навестить своих друзей.

Сибиряк улыбнулся своей широкой улыбкой и, обратившись ко всем, произнес:

– Ну что, я не опоздал?

– Нет, точняк, – ответил Алексей. – Все в норме.

– Сейчас и другие подъедут, – сказал Сергей, доставая мобильный телефон и пытаясь набрать какой-то номер.

Действительно, через пару минут в арку въехала «Мазда» с двумя женщинами, джип «Чероки», «Форд», а чуть позже еле протиснулся «Линкольн».

Всего набралось человек двадцать-тридцать. Каких-то людей Алексей знал, некоторые были незнакомы. Но все пришли с одним намерением – пройти в Бутырку.

Все вышли из машин, стали здороваться, рассказывать что-то друг другу. Больше всех, как видел Алексей, радовался встрече Сибиряк. Безусловно, это был его звездный час – ведь

именно он все организовал, собрал всех. И если задуманное пройдет нормально, то авторитет Сибиряка поднимется очень высоко.

Конечно, Алексей слышал, что когда Сибиряк раздавал «приглашения» различным авторитетам и ворам, то многие отнеслись к этому скептически. Больше всех отговаривал Сибиряка от этого Павел Захаров, известный под кличкой Цыруль. Захаров был вором старой закваски, не одобрял такой визит и сказал, что ничего хорошего от него не ждет. Но Сибиряк успокаивал его:

– Что нам сделают? Мы идем по-простому. Если что, «попрессуют» влегкую, а потом отпустят – куда им деваться? Дело – верняк! Тем более что все тут уже проработано. Когда я там сидел, ко мне и баб тюремщики водили на ночь, и братва меня навещала, так что все на мази. Все будет в цвет!

Подъезжая к Бутырке, Константин спросил Алексея:

– А что ты будешь делать, если нас все же заметут?

– Не знаю, – ответил Алексей.

– Как ты объяснишь свое нахождение в тюряге?

– А ты как?

– Я? Я скажу, что с тобой выпил, и спьяну оказались в Бутырке. Как оказались? А черт его знает! Пьяные были.

– И я так скажу.

– Вот и хорошо, теперь у нас общая легенда. Ее и будем придерживаться.

Народ, прибывший к Бутырке, уже достаточно расслабился. Многие рассказывали анекдоты, другие что-то обсуждали, собравшись в небольшие группы и куря сигареты одну за другой.

Алексей заметил двух женщин – Жанну и Тамару. Тамара была женой – точнее, подругой – их близкого кореша Лени Шального, который третий месяц сидел под следствием в Бутырке. Женщины стояли, куря тонкие дамские сигареты, и о чем-то переговаривались между собой.

Неожиданно Алексей заметил, как в арку медленно въехал «Москвич» синего цвета, с «мигалкой». Это были менты. Все замолчали.

«Все, – подумал Алексей, – сейчас нас повяжут! Я так и знал!» Сердце у него учащенно забилось.

Машина не смогла въехать во двор и остановилась, притушив огни. Вышли два милиционера. Алексей всмотрелся в их погоны. Сержант и старшина.

«Если уж нас будут брать, то не ниже лейтенантов, – подумал Алексей, – а тут какие-то «макаронники» подъехали!»

Сибиряк быстро сориентировался. Он подошел к ментам и сказал:

– Все нормально, командиры! Братишку ждем – освободиться должен скоро.

Менты внимательно посмотрели на него. Один, улыбнувшись, достал сигарету. Конечно, трудно было поверить в правдивость такого заявления. В одиннадцать часов вечера не выпускают… Но ментов было трое, а тех – человек тридцать. Они сели в машину и выехали из двора.

– Ну вот, – расплылся в улыбке Сибиряк, – я же говорил, что дело – верняк! Если бы повязали, то сделали бы это уже давно, – заявил он уверенno. – Все, пора!

Он поднялся по ступенькам, три раза стукнул в железную дверь. Она приоткрылась. Сибиряк вошел внутрь, и дверь захлопнулась за ним.

Алексей поймал себя на мысли, что начинает волноваться. А вдруг сейчас его заберут? Ладно, чему быть, того не миновать. Он повернулся вправо и увидел, что двор, примыкающий к зданию тюрьмы, также полностью находился в темноте, и никого, кроме двоих подвыпивших мужиков, там не было. Все тихо и спокойно.

Вскоре Сибиряк вышел обратно, довольный, показывая всем пальцами, что все «о'кей». Подойдя к Алексею, он сказал:

– Пойдут человек десять, остальные пусть останутся на улице.

Алексей кивнул головой.

– Слыши, Витюха, – обратился Сибиряк к мужчине, сидевшему в «Форде», – как там у тебя, радио работает?

– Все нормально, прослушиваем.

Алексей вопросительно посмотрел на Сибиряка. Тот, перехватив взгляд, сказал:

– А ты что, не знал? У нас все тут подготовлено по полной программе! У нас все ментовские радиоволны прослушиваются. Так что мы в курсе, если что... – Тут же Сибиряк достал портативную японскую радиоцию системы «Стандарт», включил ее.

– Как слышишь меня, Витец?

Витец, улыбаясь, ответил из машины:

– Слышу классно!

Алексей тоже вытащил телефон, включил его. Все работало.

– Ну что, Витец, если что – то как договорились.

– Конечно, браток! Все будет нормально. Если менты подъедут, сделаем конкретную драку. Помахаемся, и все будет в натуре!

Алексей понял, что в случае опасности люди, оставшиеся во дворе, не только будут прикрывать их, но и инсценируют драку, что отвлечет внимание милиции.

– Так, минут через пять идем, – сказал Сибиряк. – Еще раз напоминаю: выложите все свои плетки. Идем чистыми.

– А «колеса»? – раздался чей-то голос.

– Базара нет, берем с собой. Ребят-то подогреть надо!

Двое молодых ребят вышли из «Мазды» и из джипа, достали две большие картонные коробки, в которых находилось угощение: коньяк, фрукты, консервы и другие деликатесы для сидельцев.

Какое-то новое чувство – волнения и радости одновременно – заполнило Алексея. Он вопросительно взглянул на Константина. Тот сказал:

– Ну что, Сибиряк, ты молодец – все организовал как надо.

– Все схвачено, куплено, все по правилам, – улыбаясь, ответил Сибиряк.

Все хорошо знали о том, как Сибиряк сидел под следствием в Бутырке около двух лет назад. Ходили легенды о его сидении. Он закорешился практически со всеми вертухаями и сумел так поставить свой авторитет, что его очень многие сотрудники даже побаивались до сих пор.

Серега был человеком добрым и часто угощал едой и куревом соседние камеры. Иногда он, получая спиртное, угощал и сотрудников следственного изолятора, которые впоследствии и согласились на эту акцию. Такие, по крайней мере, были об этом толки.

Вскоре калитка вновь приоткрылась, что означало: пора идти. Девять человек, отделившись от общей массы, помахали оставшимся руками и стали подниматься по лестнице.

Алексей шел третьим или четвертым в этой процессии. Войдя в железную калитку, он увидел внутренний дворик размером около тридцати квадратных метров. С левой стороны была большая стеклянная стена, разделявшая два помещения: комнату ожидания для адвокатов и следователей и комнату ожидания для родственников осужденных и подследственных.

Гости вошли в стеклянную дверь и стали вновь подниматься по каменным ступенькам. Обернувшись назад, Алексей увидел, что человек в военной форме, пропустивший их, был без знаков различия. На нем были бушлат и фуражка – значит, он имел офицерское звание. Но какое конкретно – ясно не было, так как погоны на бушлате отсутствовали.

Они поднялись на второй этаж. Алексей увидел помещение, огороженное решеткой. Раздался зуммер, и дверь открылась. Сидевшая внутри женщина читала книгу. Она специально опустила голову, чтобы не было видно ее лица.

– Все нормально, – сказал Сибиряк, шедший первым, улыбаясь и показывая всем, что здесь он как у себя дома.

Все молча шли следом. Так они прошли еще один отсек и вновь оказались на лестнице. Поднявшись еще этажом выше, они вошли в небольшой коридор, отгороженный решетчатой железной дверью. Открыв ее, шедший впереди мужчина в военной форме пропустил всех внутрь. Как только вошел последний, он ключом-«вездеходом» тут же закрыл замок.

Коридор был довольно длинным – метров двадцать. На каждой двери, многие из которых были обиты коричневым кожзаменителем, висели таблички: «Административно-хозяйственная часть», «Финансовая часть», «Отдел кадров» и так далее. Алексей понял, что это коридор служебного помещения администрации тюрьмы, где находились хозяйственные службы. Вскоре пошли кабинеты с цифрами на дверях: 21, 22, 23…

Дошли до конца коридора. Алексей обратил внимание, что коридор заканчивался тремя дверями, перед которыми они остановились, ожидая сотрудника изолятора. Того звали Николай. Он проработал в изоляторе около 18 лет. Вероятно, это был не первый и не последний подобный визит за время его службы, так как особого волнения Николай не испытывал. В то же время Алексей заметил, проходя рядом с ним, что от того попахивает спиртным. Значит, принял все же для храбрости…

В конце коридора, слева, был ход вниз. С правой стороны находились следственные кабинеты, где происходят встречи следователей и адвокатов с подследственными.

Вдруг Алексей заметил, как со стороны следственных кабинетов к ним приближается темная фигура человека в военной форме, который держал что-то в руках. У Алексея часто забилось сердце.

Человек медленно подошел и обратился к Николаю:

– Что так долго?

– Так получилось, – ответил контролер.

– Ну, пошли, все готово, – сказал человек в военной форме.

Вновь все пошли по коридору. Алексей внимательно смотрел по сторонам. Тут находились комнаты-боксы – помещения не больше квадратного метра, так называемые «стаканы», где иногда находились заключенные, ожидая, когда освободится кабинет или за ними придет конвой, чтобы увести их в камеры. С правой стороны находился тюремный туалет, дверь в который была без ручки, но зато с массивным внутренним замком.

Все остановились в конце коридора.

– Сразу направо, – скомандовал военный.

Они вошли в просторное помещение – громадный коридор, напоминающий холл, высоченный потолок… Это был знаменитый коридор Бутырки, который часто показывают в телепередачах, на страницах газет и журналов. По обе его стороны находились следственные кабинеты.

Все ждали, в какой кабинет их пригласят пройти.

– Проходите туда, где открыты двери, – сказал второй военный.

В конце коридора виднелись три кабинета с открытыми дверями. В двух из них уже стояли столы, а в третьем – тоже стол, но поменьше. Когда все уже хотели войти, неожиданно инициативу взял на себя Сибиряк.

– Так, братва, проходим в первые два, а третий оставим для наших женщин, – ласково улыбнулся он. – Мало ли какие вопросы могут у них возникнуть…

Все молча вошли внутрь. Кабинеты представляли собой большие комнаты размером двадцать-тридцать квадратных метров. Набор мебели был стандартным: около окна – стол и два

стула, приколоченные к полу. Окно зарешечено двумя рамами. Фонарь также закрыт сеткой. С правой стороны – крючки для одежды. Вот и вся мебель. Стены были выкрашены то ли в синий, то ли в зеленый цвет – при слабом освещении трудно было разобрать.

Алексей сразу заметил, что помимо стандартного стола в кабинете находились еще два и несколько стульев, стоящих в углу, видимо, заранее приготовленных конвоирами. Кто-то из молодых начал расставлять стулья и сдвигать столы, создавая что-то вроде большого стола для банкета. Женщины открыли коробки, из которых достали белые скатерти, постелили их на столы и стали выгружать продукты – коньяк, фрукты, консервы, красную икру, салами, сигареты, какие-то деликатесы…

Тем временем Сибиряк настроился на волну своей маленькой радиостанции и спросил:

– Витюха, как там дела?

Раздалось шипение, и издалека, словно из подземелья, донесся голос:

– Все нормально, командир! Все спокойно! А как у вас?

– Отдыхаем, – сказал Сибиряк. – Ждем.

– Желаю удачи!

– Понял тебя, братуха!

Выключив радио, Сибиряк спрятал ее в карман.

Первый военный сказал:

– Вам придется немного подождать. Все будут минут через десять-пятнадцать. Пока посидите, покурите, отдохните. Я вас закрою.

Он вышел и повернул ключ в замке.

У Алексея мелькнула мысль: «А вдруг это ловушка?»

ХРОНИКА ОПЕРАЦИИ «БАНКЕТ», РАЗРАБОТАННОЙ И ОСУЩЕСТВЛЕННОЙ СОВМЕСТНЫМИ СИЛАМИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ, ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ КОНТРРАЗВЕДКИ И СЛЕДСТВЕННЫМ КОМИТЕТОМ МВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В середине мая РУОП получил сообщение одного из своих агентов, внедренного в группировку:

«20 мая, примерно в 23.00, группа криминальных авторитетов соберется у здания следственного изолятора Бутырка и попытается незаконно проникнуть в тюрьму».

Поначалу оперативники отказывались верить такому сообщению, настолько его содержание казалось диким. Однако информацию все же решили проверить, и вскоре она получила частичное подтверждение. После этого разрабатывается специальный план операции, к которой привлекается служба контрразведки, Московское региональное управление по борьбе с организованной преступностью и Следственный комитет МВД России. Эти компетентные организации и разработали операцию под кодовым названием «Банкет». Причем каждое ведомство разрабатывало свою часть.

Операцию держали в строжайшей тайне. Только ограниченное число людей из соответствующих ведомств было посвящено в нее, которых, как потом выяснилось, ФСК также контролировала: прослушивала телефонные разговоры, за многими из них было установлено наружное наблюдение.

Подготовка к операции и штурму заняла несколько дней и требовала нестандартной тактики.

Поэтому незадолго до предполагаемой операции сотрудники ФСК под видом инспекторов пожарной охраны по подземным коммуникациям проникли в Бутырку и стали изучать архитектурные особенности этого здания, слабые места в режиме его охраны. Они нашли коридор, по которому первой в зону должно было проникнуть специально созданное для этой опе-

рации подразделение – «Игла», состоящая из ударной команды оперативного боевого подразделения «Альфа» ФСК.

Для нейтрализации штатного персонала должны были применяться спецсредства, которые не афишировались контрразведчиками. План штурма хранился в строжайшем секрете. Даже сами бойцы спецподразделений ФСК «Альфа» и СОБРа РУОПа узнали о нем только в последний момент.

Около полуночи в штабе предстоящей боевой операции собралось довольно много людей. Тут было несколько офицеров ФСК, несколько офицеров РУОПа, включая Илью Уголькова, и Следственного комитета МВД России, а также командир спецотряда «Альфа», командир спецотряда СОБРа и командир ОМОНа, который должен был осуществлять внешнее прикрытие всей операции.

В полночь через связных было получено сообщение, что группа из двенадцати криминальных авторитетов проникла в здание тюрьмы. До начала операции оставалось сорок минут.

Больше всех, как ни странно, нервничал дежурный по Следственному управлению Москвы майор Метелкин. О неожиданном визите он узнал всего несколько часов назад. Появившиеся взяли его под контроль и запретили звонить по телефону и разговаривать с кем-либо. Майору стало казаться, что его тоже в чем-то подозревают.

Несколько офицеров склонились над столом в приемной, где была разложена карта всех коридоров и помещений следственного изолятора. На ней были нанесены различные цифры и обозначения. Оперативное руководство операцией осуществляли полковник Нефедов из ФСК и капитан Угольков из московского РУОПа.

К тому времени штурмовики, которые участвовали в этой операции, уже рассредоточились по разным местам недалеко от объекта. Все они сидели в специальных зашторенных автобусах, стоявших в соседних улицах и переулках. Один автобус был заполнен сотрудниками «Альфы», во втором находились сотрудники СОБРа. Бойцы ОМОНа ждали начала операции в третьем автобусе. Автоматическое оружие всем пришлось оставить, так как в следственном изоляторе разрешалось применять только спецсредства – шумовые и световые раздражители или нервно-паралитический газ и электрические разрядники. Контрразведчики, в частности «Альфа», взяли с собой секретное оружие, которым они делиться ни с кем не собирались.

Все переговоры велись по специальным рациям, которые предоставили и выдали всем участникам операции сотрудники ФСК. Они работали на специальной частоте, которая не позволяла перехватить сигнал чужим, в том числе и милиционерским устройствам. При этом каждый выход на связь фиксировался по секундам и записывался на специальный диктофон – своеобразный «черный ящик» для последующего контроля. Такими рациями пользовались только сотрудники ФСК.

После получения сигнала о том, что группа криминальных авторитетов вошла в здание Бутырки, все организаторы предстоящей операции сообщили командирам силовых спецподразделений, что они приглашены для задержания и последующего ареста криминальных авторитетов, незаконно проникших в следственный изолятор. До этого командиры спецподразделений даже не знали, зачем они здесь. Они думали, что это будет подавление бунта или предотвращение массового побега. Но что они будут участвовать в захвате людей, незаконно проникших в Бутырку, им даже в голову не приходило.

Полковник ФСК сказал, что операция начнется ровно в 0 часов 40 минут.

– Будем действовать так, – произнес он, наклонившись над планом следственного изолятора. – Мы и вы, – он указал на работников РУОПа, – пойдем через главные ворота. Первыми пойдут шесть офицеров «Альфы» через КПП. «Игла» – он указал на отряд СОБРа, – проникнет в здание, блокировав кабинет дежурного помощника начальника сизо, через ворота со стороны Новослободской улицы... Да, – обратился он к капитану ОМОНа, – там, во дворе, двое пьяных

на лавочке сидят, так вот, это наши оперативники. Прошу с ними быть поласковее. В штабе останутся мой заместитель, – полковник указал на офицера ФСК, – и по одному человеку от РУОПа и следственного комитета. И конечно, дежурный следственного управления, который любезно предоставил нам столь прекрасное помещение, – пошутил полковник.

До начала операции оставалось десять минут. Все сверили часы.

Алексей стоял около окна следственного кабинета, закрытого мощной решеткой, и всматривался в тюремный двор. Давно стемнело. Тюрьма перешла в режим отбоя, но во многих камерах работали телевизоры – показывали эстрадную программу.

Со стороны тюремного двора доносились голоса заключенных: одни искали своих подельников, другие переговаривались с соседями по камерам и передавали друг другу новостями.

Алексей подумал: «Слава богу, пронесло! Не сижу на нарах, а гуляю на свободе. Хотя мое место давно среди них».

До прихода долгожданных визитеров оставалось несколько минут. Алексей уже начал нервничать. К нему подошел Костя и сказал:

– Не тушуйся, братишко, все будет нормально. Только что звонил старшему, он с нетерпением ждет известий.

Алексей знал, что особых игр с ворами у них не было. Им необходимо было обсудить с Шакро-старым – одним из самых известных воров в законе – одну коммерческую операцию, которую они должны были провести в ближайшее время. Никто из близкого окружения Шакро окончательного решения этого вопроса на себя брать не стал, поскольку там были задействованы слишком большие капиталы.

– Все решит он, – говорили они, имея в виду Шакро.

– А как с ним связаться?

– Есть у нас одна дорога...

И когда Сибиряк предложил вариант прохода в Бутырку для встречи с Шакро, то на совете группировки почти все подняли руки.

Вскоре дверь открылась и вошел Шакро¹. Это был крепкий лысоватый мужчина лет пятидесяти. Он вошел осторожно, но, увидев Сибиряка, заулыбался. Сибиряк, раскинув широко руки, стал подходить к нему. Они поцеловались, обнялись. Шакро не ожидал, что к нему кто-то придет. Его тут же окружили другие ребята, стали хлопать по плечу, радоваться. Потом в кабинет вошли еще двое из группировки. К ним подбежали Костя и Алексей. Также тепло с ними поздоровались.

Сибиряк обратился к конвоирам:

– Николашка, может, примешь на грудь с нами по маленькой?

– Нет, – покачал головой контролер сизо. – Я в следующий раз, позже. Ну что ж, времени у вас полтора-два часа. Через два часа подойду. Если что, пусть кто-нибудь из вас выйдет. За столом сидит наш человек. – После этого Николай ушел.

Ленчик, увидев свою временную жену Тамару, которая была на четвертом месяце беременности, крепко обнял и расцеловал ее.

– Братва, не обижайтесь, жену давно не видел – три месяца! Я сейчас, я быстро...

Все засмеялись:

– Ты давай не быстро, а качественно!

Ленчик, схватив Тамару обеими руками, удалился с ней в соседний кабинет.

Все спокойно сели за стол, открыли выпивку, наполнили стаканчики и подняли первый тост в честь Шакро.

¹ Шакро Какачия, пятидесятитрехлетний вор в законе, контролировавший Щукинский рынок и практически все Тушино.

После второй рюмки Алексей почувствовал себя немного захмелевшим. Он уже давно не пил. Строгая дисциплина поддерживалась в группировке. Хотя Алексей уже был третьим по значимости человеком в ней – он был бригадиром и относился к разряду «старших», которым разрешались некоторые послабления, – злоупотреблять этим никто из них не хотел, как бы показывая характер и выдержку подчиненным.

Разговор начал Шакро. Он коротко рассказал, какие дела творятся в сизо, кто правильно заехал, кто идет в «непонятке», затем спросил, что творится в столице. Все переглянулись, как бы решая, кто будет отвечать на этот вопрос. Алексей взглянул на Сибиряка. Тот, перехватив этот взгляд, решил, что если уж он заварил все это, то и говорить надо именно ему.

– В Москве все по-старому, – сказал он и коротко рассказал о криминальных войнах, о том, кто из воров застрелен, кто находится на лечении, кто уехал, кто с иглы не слезает. Шакро отреагировал ругательством на непонятном для Алексея тюремном жаргоне.

– Да, Шакро, тут к тебе ребята из одной группировки пришли, ты их знаешь, – показал Сибиряк на Алексея и Костю. – Они хотят обсудить с тобой один деловой вопрос.

Вдруг дверь кабинета резко открылась, и из коридора раздался крик:

– Всем оставаться на местах!

Все вскочили. В дверях показалась улыбающаяся физиономия Ленчика.

– А-а. Испугались, братва! – засмеялся он. – Как я вас!

– Тыфу ты! – выругался Шакро. – Нехорошо шутишь!

Ленчик вошел, веселый и удовлетворенный.

– Ну, братва, и подарок вы мне сделали! Век воли не видать! – сказал он и, сев за стол, выпил рюмку коньяку…

ХРОНИКА ОПЕРАЦИИ «БАНКЕТ», РАЗРАБОТАННОЙ И ОСУЩЕСТВЛЕННОЙ СОВМЕСТНЫМИ СИЛАМИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ, ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ КОНТРРАЗВЕДКИ И СЛЕДСТВЕННЫМ КОМИТЕТОМ МВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Участники предстоящего штурма в составе всех оперативных групп ровно в ноль часов сорок минут были на своих местах. «Игла», состоящая из шести офицеров «Альфы», ворвалась на КПП стремительно, открыв своим ключом железную дверь. Первым контролером была женщина, дежурившая на главных воротах. Ее быстро прижали лицом к стене. Прапорщик, сидевший недалеко, даже не успел расстегнуть кобуру, как уже лежал в наручниках на грязном полу лицом вниз и с заклеенным широким скотчем ртом.

Сотрудники «Альфы» быстро шли по коридору. Все они были в камуфляжной форме и в черных масках. «Игла» проникла в здание тюрьмы и блокировала кабинет дежурного помощника начальника следственного изолятора, быстро ворвавшись в помещение. Дежурный и его заместитель сидели за столом, смотрели телевизор и пили чай. На столе стояла бутылка коньяка. Увидев людей в камуфляжной форме, они были настолько ошарашены, что лишились дара речи. Раздалась четкая команда:

– На пол! Быстро! Оба!

Без лишних движений штурмовики повалили тюремное начальство на пол, заломили руки за спину и так же, как с первым дежурным, заклеили скотчем рты. Затем они пошли дальше.

Пройдя несколько метров, они обратили внимание на огонек в другом кабинете. Там сидели Николай и второй военный, который провожал гостей. Штурмовики стремительно вошли в кабинет. Контролеры поднялись, но были моментально схвачены и положены на пол. Через несколько секунд на них были надеты наручники.

– Где? – быстро спросил у Николая полковник. – Быстро говори!

– В пятидесятм кабинете... – еле выдавил Николай, – и в сорок восьмом...
Его напарник дрожал от страха.

Штурмовики направились к этим кабинетам. Осторожно подойдя к ним, они заблокировали выход. Полковник на пальцах показал: «Раз, два, три, четыре... Пошли!» Одним ударом дверь была открыта, и в комнату, где сидели криминальные авторитеты, ворвались альфовцы и собровцы.

Все произошло в доли секунды. Алексей не заметил, как он уже лежал на полу со скрученными руками и в застегнутых наручниках. Кто-то кричал, кто-то матерился, женщины визжали. Вся операция продолжалась не больше пяти минут. Люди в камуфляжной форме стали поднимать захваченных и разводить по кабинетам, отделяя друг от друга.

Вскоре появился дополнительный отряд. Потом Алексей увидел человека с видеокамерой, который стал снимать все происходящее – присутствующих авторитетов, задержанных сотрудников следственного изолятора. Многие из них пытались выворачиваться, но собровцы или альфовцы сильно били их кожаными перчатками по лицу.

– Как тебя зовут? – услышал Алексей. Это допрашивали Константина, который лежал в противоположном углу.

– Как тебя зовут? Отвечай, сука!

– Костя.

– Фамилия как? – спросил другой альфовец.

Костя не успел ответить, как получил мощный удар кулаком. Он застонал.

– Не понял! – снова наклонился над ним альфовец. – Как фамилия?

– А-а-ав... – и Костя снова получил сильный удар по голове.

Алексей зажмурил глаза. Теперь ему было все равно. Все тело его тряслось – тряслось от страха. Он не помнил, как получил удар по голове, хотя он ничего не делал и никто ни о чем его не спрашивал. Когда он очнулся, то увидел, как из карманов Сибирика вытаскивали пистолет «ТТ», как вынимали порошок, похожий на наркотики. Он понимал, что кое-кому, видимо, что-то могли и подкинуть.

На столе, где еще недавно стояли бутылки с коньяком, продукты, уже были какие-то бинты, наркотики, два сотовых телефона, небольшие рации – все изъятое – и несколько пистолетов с полным боевым снаряжением. Алексей увидел «ТТ», «браунинг» и какой-то старенький револьвер. Сомнений не было – это оружие кому-то подложили.

Алексей услышал, как Толик Кунцевский, здоровенный детина, лежавший вниз окровавленным лицом, матерился:

– Бля буду, командир! Какой ствол, какой револьвер?! Какую мне помойку подложили?! Да я с такой помойкой сроду не ходил, в натуре!

Алексей не мог понять, что произошло с ним. «А вдруг мне тоже что-то подложили?! Оружие или наркотики?! Ну, все, меня определят года на три-четыре», – подумал он.

К нему подошли двое здоровых спецназовцев, подняли его и повели в соседний кабинет на допрос.

ХРОНИКА ОПЕРАЦИИ «БАНКЕТ», РАЗРАБОТАННОЙ И ОСУЩЕСТВЛЕННОЙ СОВМЕСТНЫМИ СИЛАМИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ, ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ КОНТРАЗВЕДКИ И СЛЕДСТВЕННЫМ КОМИТЕТОМ МВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В 00.40 отдан приказ о штурме сизо № 2. Бойцы оперативно-боевого подразделения «А» и СОБРа оцепляют автомобили, стоящие у главного входа в следственный изолятор. Все 22 человека уложены на землю.

В 00.45 шесть человек из состава ударной группы, используя спецсредства, врываются на территорию сизо № 2.

К 01.10 охрана режимного объекта полностью обезврежена.

К 03.30 операция «Банкет» полностью завершена. В ходе силовой акции задержаны 34 человека, 7 из которых оставлены в Бутырской тюрьме. Среди задержанных – авторитет Сибирик, коммерческий директор фирмы «Солли» Шаповалов, коммерческий агент МП «Момент» Авилов, коммерческий агент МП «Аякс» Леднев. При обыске у Липчанского обнаружен пистолет Токарева и три патрона, у Шаповалова – самодельный револьвер и три патрона, у Авилова – «браунинг», у Леднева – 65,8 г соломки опийного мака.

По оперативным данным РУОПа, Шаповалов, Авилов и Леднев относятся к солнцевской преступной группировке. Среди изъятого у них – радиостанции, настроенные на милицийскую волну, два мобильных телефона, продукты, медикаменты, дезинфицирующие средства и спиртное. Также задержаны и взяты под стражу: дежурный помощник начальника сизо № 2 Н. Заболоцкий, его заместитель Р. Бондарский, дежурные контролеры Н. Савкин и Н. Ерохин».

Бойцы спецназа стали покидать следственный изолятор. Всего за это время задержали тридцать четыре человека, семеро из которых остались в Бутырке – против них сразу же были возбуждены уголовные дела, и сотрудники следственного комитета уже готовили соответствующие протоколы. Кроме этого, были арестованы и четыре «гостеприимных» сотрудника следственного изолятора.

Людей, которые были оставлены на улице, положили на мокрый асфальт сотрудники ОМОНа. Потом всех погрузили в машины и повезли – кого в ИВС на Петровку, кого на «Матроску», а кто-то поехал сразу в Лефортово.

В комнате допросов Алексею задавали вопросы, и стоило промедлить с ответом, он получал удары то по голове, то в пах. Через пятнадцать минут двое мощных собровцев схватили его под руки и потащили по коридору.

Его вытащили во дворик. Во дворе стояли «воронки», куда грузили всех арестованных и задержанных. Собровец, показывая на Алексея, обратился к водителю:

– А этого, падлу, вези к нам, на Шаболовку, мы с ним маленько там поработаем перед допросом!

И тут Алексей заметил, как из подворотни, в которую еще недавно они въезжали, выскочил знакомый джип «Чероки», двери распахнулись, и оттуда выскочили четверо здоровенных «шкафов» из его группировки.

Но, увидев бойцов спецназа, они быстро запрыгнули обратно в машину и уехали.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

На следствии все участники сходки дружно утверждали, что оружие и наркотики им подбросили при задержании. По версии задержанных, их заставили лечь на пол под дулом автоматов и просто вложили кому ствол, кому наркоту.

Обвиняемые находились под следствием более двух лет.

За это время Липчанский стал вором в законе и, даже находясь на «спецу» «Матросской тишины», подбил еще одного контролера на незаконные действия, после чего был переведен в Лефортовское сизо. Оттуда его выпустил Тверской райсуд под подписку о невыезде. С тех

пор Липчанский пропал. По нему сразу объявили федеральный розыск. Но ходят слухи, что его нет в живых.

Участники «банкета» получили каждый свой срок. Авилов и Шаповалов за хранение оружия – два года лишения свободы условно с испытательным сроком три года. На суде адвокат Шаповалова заявил, что изъятый револьвер по калибру не соответствует патронам (пистолет 5,5 а патроны 5,6). Их товарищ Леднев за хранение наркотиков отдался годом исправительных работ и сразу же был амнистирован. Помощник начальника Бутырки Заболоцкий был удостоен за халатность года исправработ и одновременной амнистии со снятием судимости. А его заместитель Бондарский и вовсе оправдан: он в ту злополучную ночь трудился на так называемом сборном отделении сизо и не обязан был следить за контролерами...

И лишь контролеры Савкин и Ерохин, обвиненные в превышении власти и признавшие свою вину, приговорены к реальным срокам наказания – к году лишения свободы каждый. Но они уже отсидели свой год под следствием, и потому суд даровал им свободу. Как лица судимые, работать в тюрьме они уже никогда не будут. Милиционеры мечтали превратить дело бутырских тюремщиков и их гостей в образцово-показательный судебный процесс. Этого же хотел и начальник сизо Александр Волков. Но главные действующие лица отделались, можно сказать, легким испугом. Да новый Уголовный кодекс и не предусматривает для них строгого наказания...

Спустя пять лет после этого случая один из участников «банкета» был застрелен киллером днем у своего офиса, на улице, в нескольких шагах от штаба Службы криминальной милиции.

ИЗ МАГНИТОФОННОЙ ЗАПИСИ ЧАСТНОЙ БЕСЕДЫ С В.А., В НЕДАВНЕМ ПРОШЛОМ ОДНИМ ИЗ КРИМИНАЛЬНЫХ АВТОРИТЕТОВ МОСКВЫ, НЫНЕ ПРЕУСПЕВАЮЩИМ БИЗНЕСМЕНОМ (по просьбе собеседника автор не называет его фамилию).

«Ну что значит, как узнали... Они тоже по этой теме плотно работали, и на Шаболовке, и на Лубянке ведь тоже не мудаки сидят. И агентура прикомлена, и прослушка, и наружка... все в цвет. Правда, когда пацанов закрыли, Ленчик Завадский, царство ему небесное, говорил братве по этой теме, что это Мансур (Сергей Мансуров) сдал.

Мне лично непонятно, зачем это Мансуру... конкретно. В газетах потом писали, что якобы менты внедрили в одну бригаду своегоексота, он и слил им информацию... про Бутырку...

А я думаю, что тут все проще. Сибиряк, когда поездку планировал, особо ни от кого своих планов и не скрывал и приглашал с собой многих. Правильным братишкой был, но слишком открытый, слишком доверчивый. А среди тех, с кем он калякал, запросто мог и стукач оказаться. Да и трубку у Сереги (Сибиряка. – Авт.) слушали конкретно. Так что вариантов много...»

(Публикуется с соблюдением речевых особенностей собеседника. – Авт.)

Новичок

Квадратная камера выглядела унылой и мрачной. Узенькое зарешеченное окно позволяло рассмотреть лишь микроскопический лоскуток веселого апрельского неба над Бутырской тюрьмой. Латунный кран умывальника справа от входа отбрасывал озорные солнечные зайчики в темный угол, на матовую белизну унитаза-параши, и он здесь, в замкнутом пространстве камеры, так некстати напоминал о прежней жизни, оставшейся по ту сторону решеток.

На длинных, отполированных тысячами человеческих тел скамьях, намертво прикрепленных к полу, на скрипучих двухъярусных «шконках» сидели человек двадцать – двадцать пять. Испуганные лица, скованные движения, потухшие взгляды большинства свидетельствовали, что люди эти впервые перешагнули порог камеры следственного изолятора.

Впрочем, это была еще не настоящая тюремная камера. «Сборка» – так называется помещение, где вновь прибывшие проходят карантин, – пристанище временное. Еще пять, шесть, максимум семь дней – и обитателей «сборки» разбросают по постоянным бутырским «хатам» – камерам. Вот там-то и начнется настоящая тюрьма…

На нижней «шконке» у зарешеченного окна сидели двое. Первый – щуплый молодой человек лет двадцати, интеллигентного вида, со следами очков на переносице – напряженно слушал второго – невысокого, кряжистого малого с сизой металлической фиксой во рту. Плавные расчетливые движения, быстрый, точно фотографирующий взгляд, заостренные концы ушей, придающие их обладателю сходство с эдаким кинематографическим Мефистофелем.

Бутырский Мефистофель держался раскованно, с чувством явного превосходства – судя по многочисленным татуировкам-перстням на фалангах пальцев, эта «ходка» была у него далеко не первой.

Непонятно, почему из всей массы арестантов фиксатый выхватил именно этого, самого серого и невзрачного. Но, судя по интонациям, вроде бы хотел принять участие в его дальнейшей судьбе.

– Так за что закрыли-то тебя? – вновь спросил он.

Щуплый с трудом подавил тяжелый вздох.

– Да магнитолу с машины снял…

– Ага, музыку любишь?

– Да так… – неопределенно поморщился молодой человек. – Мать-пенсионерка третий месяц ни копейки не получает, да и девушка у меня… Сам понимаешь, и в кафушку сходить хочется, и на дискач…

– Зовут-то тебя как?

– Мишней зовут… А фамилия моя Луконин, – добавил щуплый.

– Понятно, Миша, – обладатель татуировок-перстней поджал губы. – Первоход, значит?

– Что? – не понял собеседник.

– Ну, в первый раз на сизо заехал?

– В ментовку в прошлом году попал, в «обезьянник»… В ресторане день рожденияправляли, какие-то чурбаны к моей Наташе пристали. Ну, мне с другом и пришлось заступиться. По три года условно получили…

Информация и о ментовском «обезьяннике», и об условном сроке не произвела на фиксатора никакого впечатления. Лениво скользнув взглядом по головам арестантов, сидевших на «шконке» напротив, он спросил неожиданно:

– Филки или «дурь» есть?

– Что есть? – Луконин непонятливо заморгал.

– Ну, деньги или наркота, – перевел собеседник, немного раздражаясь такой непонятливостью.

– Наркотиков нет, – ответил молодой человек и осекся, – а деньги…

Под стелькой кроссовок лежали четыре стотысячные купюры, которые Мише удалось пронести через первый, поверхностный, шмон, но рассказывать об этом богатстве первому встречному, да еще здесь, на «сборке», было бы глупо.

Впрочем, фиксатый мгновенно оценил ситуацию.

– Так сколько у тебя там заныкано?

– Да есть там… немного, – уклончиво ответил Луконин.

– Слыши, пацан, я с самого начала въехал, кто ты есть: лох из лохов. На тебе это аршинными буквами нарисовано. Не в падлу, конечно… Но на «хате» тебя, первохода, за полчаса разденут-разуют и под «шконки» загонят. И должным еще останешься. Давай так: я тебе по-честному расскажу, как правильно себя вести, а ты мне по-честному дашь половину того, что с собой имеешь. Я тут по игре влетел, долг закрывать надо. Дело-то, конечно, твое, – выдержав небольшую паузу, продолжил говоривший, – решай сам, никто никого не неволит. Как говорится: колхоз – дело добровольное. Да – да, нет – нет. Только кажется мне, лучше лишиться половины, чем всего. Так что?

Миша задумался.

С одной стороны, ему совершенно не хотелось отдавать этому незнакомому человеку двести тысяч рублей, но, с другой…

Первоход, конечно же, знал: тюремные законы – вовсе не те, по которым люди привыкли жить на воле. Тут, за толстыми стенами, за железными решетками, властвуют какие-то загадочные и страшные люди, авторитеты и воры в законе – о последних молодой человек знал лишь по книгам с лотков у входов в метро да по фильмам вроде «Место встречи изменить нельзя» или «Холодное лето пятьдесят третьего». И могущество таких людей ничуть не меньше, чем тюремного персонала… А этот, с сизой металлической фиксой и загадочными перстнями-татуировками, судя по всему, давно уже искушен в подобных законах.

Луконин нагнулся и, опасливо оглянувшись по сторонам, принял расшнуровывать обувь.

– Вот, двести…

Фиксатый повествовал тоном лектора общества «Знание», выступающего в провинциальном клубе. И уже спустя полчаса молодой арестант понимал значение слов «прописка», «подлянка», «хата с минусом», «крыса», «прессовка», «мусорская прокладка» и многих других. Знал и основные правила поведения на «хате»: не оправляться, когда кто-то ест, не поднимать ничего с пола, не подходить к петухам, не заговаривать с ними, не присаживаться рядом, а тем более – не прикасаться к их вещам.

– Главное – дешевых пунктов не колотить, – поучал татуированный учитель, – будешь таким, какой есть. Но и в обиду себя не давай. Вишь – вон тот амбал, в полосатой майке, сто пудов первоход, как и ты, а как пальцы гнет, как под бродягу косит?! – говоривший презрительно кивнул в сторону качка, который явно косил «под крутого». – Это у него от страха.

Миша облизал пересохшие губы.

– Понятно…

– Деньги сбереги, – деловито напутствовал фиксатый, аккуратно складывая стотысячную купюру вшестеро. – Они помогут тебе грамотно прописаться на «хате». Попросят на «общак» – обязательно отстегни. Может, потом семья какая тебя примет. И помни: тут, в тюрьме, каждый отвечает только за себя. Знаешь, какое главное правило? Не верь, не бойся, не проси. А о лавье, которым ты меня подогрел, выручил, не жалей: вспомнишь еще не раз меня, спасибо скажешь.

Бутырский Мефистофель оказался прав.

Миша Луконин ни разу не пожалел ни о том, что «сборка» свела его с этим странным человеком, который пусть и небезвоздмездно, но все-таки принял участие в судьбе первохода,

ни тем более о двухстах тысячах рублей, отданных за подробную инструкцию по выживанию в условиях Бутырского следственного изолятора.

Впрочем, в справедливости главного арестантского правила он убедился довольно быстро.

Насчет «не верь» Миша Луконин вспомнил уже на следующий день: следователь, который вызвал его на допрос, ласково увещевал – мол, если возьмешь на себя еще ту магнитолу, которую три недели назад украли с «Тойоты» в районе Конькова, и то колесо с «мерса», которое какие-то неизвестные сняли во дворе на Ленинском проспекте, твое чистосердечное признание учтется, и тебе обязательно скостят срок. Но как можно было верить словам «следака»? Ведь меру наказания определяет не следователь и даже не прокурор, а только суд.

Насчет «не проси» первоход также определился очень скоро: когда семидесятилетнему старику на «сборке» стало плохо с сердцем, сокамерники ломанулись к «кормушке», вызывая «рекса», коридорного контролера, – мол, человек умирает, «лепилу», врача, позови! «Рекс» лениво пообещал сообщить о больном на пост, но врач так и не появился – сердечника откачал кто-то из арестантов.

А вот насчет «не бойся»…

Страх – зловонный, словно перестоявшая моча, и тяжелый, как бетонная плита, – неотступно преследовал Луконина.

Страх преследовал его и днем, когда большинство сокамерников «сборки», уже перезнакомившись друг с другом, осторожно обсуждали дальнейшие перспективы тюремной жизни.

Страх преследовал его и вечером, когда с тюремного двора неожиданно громко начинало горланить радио «Европа-плюс», наполняя камеру звуками легкомысленных шлягеров.

Страх преследовал его и по ночам, когда обитатели сборочной «хаты» беспокойно засыпали – ворочались, что-то бормотали во сне; видимо, большинство из них, также первоходы, не менее его самого страшились неизвестности. Миша спал урывками, часто просыпаясь и вскрикивая, потому что сновидения его были неправдоподобны и жутки, как фильмы ужасов: ему снились то татуированный член следователя, раскачивающийся перед самым его носом, то провокации, которые обязательно организуют ему блатные, то серая масса арестантов с алыми гребешками на стриженых головах и крыльями вместо рук. И он, Миша, ничего с этим страхом не мог поделать.

Постепенно «сборка» редела – каждый вечер, после ужина, в камеру заходил «вертухай» с картонной папочкой, где лежали личные дела, и, равнодушно скользнув взглядом по головам, называл фамилии арестантов: «На выход, с вещами!» Арестанты выстраивались в шеренгу, и контролер еще раз проверял их по списку. После сверки анкетных данных заключенных уводили в неизвестность – сокамерники провожали их тревожными взглядами.

Наконец спустя несколько дней «рекс» среди прочих назвал и фамилию Луконина.

Пятерку конвоировали двое – тот самый «вертухай», который выдернул арестантов со «сборки», и еще один в пятнистом камуфляже, вооруженный дубинкой-«демократизатором» и огромным баллоном со слезоточивым газом, напоминавшим флакон дезодоранта. Он двинулся чуть позади пятерки, а первый конвоир пошел впереди, то и дело ударяя огромным ключом-«вездеходом» по решеткам, разделяющим коридоры следственного изолятора на небольшие отсеки. Запоры были двойные, но открывался только один. Второй бездействовал: три массивных стержня могли высунуться из стены и блокировать переборку в случае тревоги по команде с центрального поста.

Тюремные коридоры, залитые жидким электрическим светом, выглядели на удивление просторными. По обе стороны темнели ровные прямоугольники металлических дверей с огромными засовами и номерами «хат»: 158, 160, 159, 161. Левая сторона была четной, правая – нечетной. И трудно было себе представить, что за каждой дверью – камера, вмещающая иной раз до восьмидесяти человек…

Лязг открываемых переборок, мерные шаги впереди идущего...

– Стоять! Лицом к стене! – то и дело командовал впереди идущий «рекс», и арестанты послушно выполняли команду, которая следовала, когда навстречу конвоировали такую же группу заключенных.

Из всей пятерки Луконина определили на «хату» первым. «Вертухай», что шел впереди, постучал ключом по очередной переборке. Дверь открыли, и в отсек вышли двое коридорных и капитан внутренних войск с красной повязкой на рукаве – корпсной.

Капитан бегло взглянул на досье Миши, и после непродолжительного шмона первохода подтолкнули к открывшейся двери камеры номер 168.

– Располагайся, теперь это твой дом, – коротко бросил корпсной; видимо, в его понимании это была шутка.

Спустя мгновение тяжелая металлическая дверь со встроенной «кормушкой» с противным лязгом закрылась за спиной Луконина. Миша невольно вздрогнул: гулкий лязг был подобен первому удару маятника, отсчитывающего первый день новой жизни.

Дыхание перехватило, пульс участился, и Луконин на секунду зажмурился – как человек, которому суждено прыгнуть в омут. Из глубины подсознания некстати выплыла кинематографическая картина: запуганные арестанты, куча блатных со зверскими рожами и главпахан – эдакий Доцент из «Джентльменов удачи», который с леденящим душу криком «Пасть порву, моргалы выколю!» набрасывается на неопытного новичка.

Но все обошлось.

Темное помещение освещалось тусклыми желтыми лампочками, забранными в тонкие металлические решетки. Воздух казался спертым и тягучим; пахло давно не мытыми телами, нестиранными носками, табачным и водочным перегаром –казалось, еще чуть-чуть, и запахи эти материализуются, заполнив собой все пространство «хаты».

Камера, внешне небольшая, выглядела заполненной до предела – на всех трехъярусных нарах-«шконках» лежали люди. Некоторые «шконки» были завешаны жиidenькими одеялами, некоторые открыты, но белье, развешанное на веревках, крест-накрест протянутых между нарами, не позволяло определить, сколько же человек отдыхает наверху. Однако было понятно, что арестантов здесь много больше, чем положено, – не менее восьмидесяти.

В углу негромко бубнил телевизор – несколько обитателей «хаты», сгрудившись у экрана, следили за футбольным матчем. Двое сидели за столом, увлеченно играя в шахматы. Еще трое резались в самодельные карты-«стиры».

Казалось, никто не обратил на новичка никакого внимания.

Луконин простоял у двери минут пять. Он ожидал чего угодно: подставы, какой-нибудь замысловатой провокации – «подлянки», вроде тех, о которых рассказывал на «сборке» татуированный обладатель фиксы, но появление первохода вроде бы оставалось незамеченным. И от этого страха только усиливался.

Неожиданно с верхней «шконки» у окна поднялся паренек небольшого роста, в дорогом спортивном костюме и, словно нехотя подойдя к первоходу, спросил:

– Давно с воли?

– Больше недели, – ответил Луконин, внутренне готовясь к какой-нибудь изощренной подставе.

– Зовут-то как?

– Миша. А фамилия моя – Луконин.

– Московский?

– Ага, в Сокольниках живу.

– Поня-атно. Впервые на «хату» заехал? – заметив скованность новичка, собеседник неожиданно подмигнул ему. – Да ладно, не менжуйся. И так видно, что первоход. Давай, про-

ходи. – Паренек кивнул в сторону ближней «шконки». – Видишь, у нас со спаньем напряженка, тут все в три смены спят. Покемарь тут пока, а завтра посмотрим, что и как.

Всю ночь Луконин не сомкнул глаз. «Прописка», о неизбежности которой он с таким ужасом думал на «сборке», отодвигалась до утра. Но хорошо это или плохо, первоход еще не знал.

В шесть утра в камере определилось слабое движение. Из-под «шконок» вылезли какие-то серые, грязные субъекты, не обращая на новичка внимания, они принялись за уборку «хаты». Как узнал Миша позже, это были «шныри», или уборщики; камерное местожительство под нарами именовалось почему-то «вокзалом».

В половине седьмого большинство обитателей «хаты» проснулось – правда, некоторые, занимавшие привилегированный угол, продолжали спать. Это были камерные авторитеты, и право занимать «шконку» единолично было их неотъемлемой привилегией.

В половине седьмого обострившееся за ночь обоняние различило слабый запах пригоревшего масла, и арестанты зашевелились – этот запах был предвестником скорого завтрака. И впрямь: к восьми утра на «хате» появился «баландер», кативший впереди себя небольшую тележку с огромными алюминиевыми кастрюлями и аккуратно разложенными буханками хлеба. Утренняя пайка представляла собой кашу из неизвестного ботанике злака и кружку слабо заваренного чая.

Впрочем, большинство арестантов не притронулись к тюремной пайке – «семьи», на которые делилась камера, предпочитали завтракать «дачками» – продуктами, переданными с воли.

Луконин недоверчиво ковырялся в каше ложкой и, найдя в комке слипшейся крупы таракана, решительно отодвинул «шлюмку», то есть миску, в сторону. Конечно, есть хотелось очень, но брезгливость превозмогла голод.

Сразу же после завтрака к первоходу вновь подошел давешний паренек в дорогом спортивном костюме. Присел рядом, приятельски улыбнулся и предложил:

- А теперь давай знакомиться. Миша, говоришь?
- Миша.
- Из Сокольников?
- Из Сокольников.
- По какой статье закрыли?
- Сто пятьдесят восьмая, кража…
- Поня-атно. Ну, подойди к тому столу, с тобой «смотрящий» поговорить хочет.

Луконин понял: от этого разговора зависит его дальнейшая жизнь в Бутырке. С трудом подавив в себе безотчетный вздох, он на ватных ногах двинулся в сторону стола, за которым по-хозяйски восседали несколько татуированных мужчин.

«Смотрящего» он узнал сразу. Это был невысокий, но крепко сбитый мужчина лет сорока с обнаженным торсом, сидевший во главе стола. Выколотая на левом предплечье статуя Свободы свидетельствовала о том, что ее обладатель относится к так называемому «отрицалову», пять церковных куполов говорили о количестве лет, проведенных в неволе, а изображение Георгиевского креста на груди – что этот человек участвовал в тюремном или лагерном бунте. Нательную композицию дополняли две восьмиконечные звезды на ключницах («никогда не надену погоны») и такие же звезды на коленях («никогда не встану на колени»). Властные черты лица, тяжелый, придавливающий взгляд, губы, собранные в тонкую нить, – все это наводило на мысль, что характер «смотрящего» – сильный, жесткий и волевой.

Позже Луконин узнал, что Хиля – таково было погоняло «смотрящего» – на свободе был звеньевым мазуткинской оргпреступной группировки, что «закрыли» его по классической сто сорок восьмой статье (вымогательство) и что в блатном мире Хиля, имевший уже вторую

судимость, пользовался непререкаемым уважением и авторитетом; именно поэтому воры и поставили его «смотрящим» сто шестьдесят восьмой камеры.

Равнодушно взглянув на первохода, Хиля поинтересовался его именем, фамилией и статей, после чего спросил:

– Ну, рассказывай, как на свободе жил?

Новичок невольно поежился под тяжелым взглядом собеседника и, тяжело вздохнув, произнес:

– Ну, как… Нормально. Как все. Пока сюда не забрали.

– В попку не балуешься? На кожаных флейтах не играешь? С мусорами дружбы не водишь? Друзей-подельников никогда не сдавал?

– Нет, – твердо ответил Луконин.

– Может, жалобы какие есть? Так расскажи, выслушаем и решим. У нас не прокуратура, у нас тут все просто делается…

– Да нету у меня жалоб, спасибо, – растерянно пробормотал новичок.

Неожиданно Хиля нарочито-приязненно улыбнулся и, скосив взгляд на пачку «Мальboro», лежавшую на газетном листке, расстеленном на столе, вкрадчиво предложил:

– Вижу, тебе курить сильно хочется. Так закурирай, не менжуйся.

Это был ключевой момент.

Еще неделю назад от фиксатого лектора на «сборке» Миша узнал: если в камере предлагаю закурить, взяв сигаретную пачку со стола, а не из рук, этого делать не следует. Типичная «подстава»: до этого момента пачка могла побывать в руках пидора, и человек, прикоснувшись к «запомощенной» вещи, автоматически становился «законтаченным».

Изобразив на лице нечто вроде улыбки благодарности, Луконин ответил:

– Да нет, спасибо, пока не хочется.

Хиля прищурился:

– Что, на «сборке» научили? Ладно. – Достав из кармана «чистые» сигареты, он великолушно угостил новичка. – Если про эту подлянку знаешь, то должен знать и про законы «хаты». В курсах?

– Рассказывали.

– Наши законы нарушать запрещено. За каждый косяк придется ответить. Понял меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.